

(Харьков) начал работать самостоятельный кукольный театр. Первая его постановка — «Аленка» Михайлова и Скларовой.

ХОЗЯЕВА ВОДЫ

А. КРЕМЕНСКОЙ

«Мир» на языке древних народов Средней Азии означает «хозяйя воды». Сегодняшние миряны — хозяева воды в пустыне — это советские геологи, ищущие для строительства Гидроэлектростанции Туркменского канала воду в Кара-Куме.

«Уже второй час идет самолет над пустыней, а вокруг, насколько хватает глаз, простираются пески. Где-то они покрыты жидкой корочкой полыни. Выступают редкие кусты «деревьев пустыни» — саксаула, черкеза, бардыма. Но чаще всего под крылом самолета тянутся только бесконечные барханы — однообразные, голые, напоминающие лунный ландшафт из астрономического атласа.

Но вот самолет снижается.

— Подлетаем к дому, — говорит заместитель начальника северной геологической экспедиции Михаил Васильевич Михайлов. В окне сменяющегося самолета краской высветилась высокая, увенчанная красной аркой, выходящая в ряд деревенских зданий, палатки, гараж...

Самолет приземляется на огромном тапире — твердой, как камень, и ровной, как сто, глинистой площадке в несколько гектаров.

Выходим из кабины и направляемся к землянке штаба. Крутом — никого. Лишь двое рабочих спешат выгрузить листовое железо для метеорологической станции.

— У нас самолет летает трижды в сутки, — говорит Михайлов. — К нему привыкли, как в Москве к автобусу. Это же основное средство связи с «Большой землей» — до Кызыл-Арвата отсюда больше двухсот километров «барханного» пути.

«Городок геологов», Бала-Ишем, — совсем новый: ему нет и двух лет. Но он уже значится в списках населенных пунктов. Здесь есть столовая, клуб, магазин, амбулатория. Я смотрю вокруг и думаю, с какой удивительной быстротой заселяются безлюдные «черные пески», заселяются основательно, прочно, на долгие годы.

Вспоминаю Ясхан, расположенный недалеко от Кызыл-Арвата, — он не такой старый, но это уже настоящий город — с каменными зданиями, с почтой, больницей, школой-десятилеткой, с учреждениями, большими магазинами. Проходит совсем мало времени, и станет таким же Бала-Ишем. Пока же он похож на большой лагерь.

Я разговариваю в штабе с начальником северной геологической экспедиции — Павлом Николаевичем Воробьевым. Он рассказывает о задачах экспедиции. Кара-Кум считали раньше бесплодными. Особенно безнадёжными в этом смысле были так называемые «глинистые понижения», занимающие в Кара-Куме сотни тысяч гектаров. А сейчас доказано, что на «бесплодных» тапирях отлично могут расти и приносить урожай ячменя, пшеницы, хлопчатника, плодовые деревья. И воял Кара-Кум оказался не так уж беден. На различных глубинах залегают здесь грунтовые воды — кристально-чистые, прозрачные.

Геологи и занимаются их разведкой. Мы идём с Павлом Николаевичем в «корпус специалистов» — длинное деревянное строение. В светлых, теплых комнатах живут инженеры и техники. По коридору слышны «семейные разговоры». Здесь много молодежи — молодых специалистов, прямо со студенческих скамеек приехавших в пустыню. Супруги Коробейниковы — гидрогеологи, окончили два года назад геологический институт в Москве. Виктор Николаевич Зинин и его жена Вера Кирилловна — топографы.

— Если ориентироваться на карту, — говорит Виктор Зинин, — здесь, по сути, пустыня. Но геологическая карта — это не карта, а документ. Здесь, по сути, пустыня. Но геологическая карта — это не карта, а документ.

— Я — сибиряк, Зинины — волжане.

Павел Николаевич — из Курской области. Геолог Ясхан Крайнова — москвичка. Самый короткий путь пролегал, пожалуй, наш замполит Джуманязов — всего четыре километра: он из Ашхабада. И вот собрались на Бала-Ишме, живем и работаем уже второй год. Уроженцы мы разных краев, и специальности у нас разные, а цель одна: найти воду в пустыне.

Обнаружить источники воды в Кара-Куме нелегко. Это трудное дело коллектива людей. Сначала труд главного инженера экспедиции над схемой разведывательных работ. Затем — топографов, переносивших координаты на местности, фиксирующих будущие буровые точки. И вот уже влетают буровики.

В специальный журнал заносится данные бурения, описания образцов пород, ведутся анализы грунтовых вод. Все материалы поступают с буровой на базу для камеральной обработки. Здесь геологи составляют геологические разрезы и пишут геологический, гидрологический и геоморфологический отчеты, чтобы отправить в Гидропроект, в Москву.

— Дело большое и трудное, если учесть, что ведется оно в Кара-Куме круглый год, — говорит Воробьев. — Фронт работ громадный — от Кызыл-Арвата до Бала-Ишме. Не будь самолетов, немалыми добрами бы от партии до партии.

— Да, барханные пески не для скоростной езды, — смеется Коробейников. — Недавно пришлось путешествовать от колоды Арта-ку до колоды Ак-ку. Расстояние — пуклово — всего семнадцать километров, а добираться четверо суток...

Но в экспедиции уже работают бригады «коробейников». Они выезжают в пески и выкладывают дорожки саксаулом. На десятках километров от Бала-Ишме к буровым точкам протянулись эти «мостовые». Машины движутся по ним с нормальной скоростью.

В фанерную дверь постучали. На пороге появилась шестнадцатилетняя «решетка» Каракум:

— Семь часов. Пора на политзанятия.

Молодые специалисты уходят. Мы остаемся вдвоем с Воробьевым.

— Скажите откровенно, Павел Николаевич, — спрашиваю я, — очень трудно жить круглый год в пустыне?

— Что греха таить, конечно, нелегко, — говорит Воробьев. — Но кривая трудностей, если можно так сказать, все время идет вниз. Вот год назад жили мы в палатках, а сейчас сидим с вами в «доме специалистов». Заболелый гриппом еще полгода назад срочно отправляли самолетом в Ашхабад, а теперь у нас свой врач и фельдшер... Советский человек и в пустыне растет очень быстро. Вот вы говорили сейчас с Коробейниковым, с Зининым, с Крайновой. Все они — вчерашние студенты. Сейчас это уже опытные «специалисты». А возьмите мастеров, рядовых буровщиков. Вот, например, Сафа Фокля, комсомолец из Ульяновска, сразу же после поступления в институт на строительство канала отправившийся в Кара-Кум. Два года живет он в пустыне. Сейчас — лучший мастер. Руководит ответственной работой по механическому бурению скважины, которая уйдет в грунт более чем на полкилометра. Так глубоко никто и никогда не бурил в пустыне...

Я слушаю Воробьева, его рассказ о людях, работающих в пустыне, о трудностях и борьбе с ними, об удачах и огорчениях, о целом комплексе производственных и научных задач, которые решаются здесь экспедициями. Я вспоминаю обо всем, что уже видел на буровых точках, в палатках геологов, в полевых лабораториях. И чувствую гордость, овладевает мною: огромные, по всему фронту, наступление готовится на Кара-Кум... Готовится тщательно, обдуманно, по-советски. И когда многотысячная армия строителей великого канала войдет в Кара-Кум, добрым словом помянут она «мировую пустыню» — всех тех, кто добывал воду в «черных песках».

Тем обиднее было мне узнавать, что только от начальника экспедиции Воробьева, но и от всех землевладельцев, «бюджетных» за свою важную работу, о тех серьезных недостатках, которые, к сожалению, имеются в деятельности Туркменского геологического управления. Крайне бюрократически руководит оно своими экспедициями. Работают в пустыне люди, по существу, лишены его внимания. Северная экспедиция П. Воробьева и южная экспедиция К. Крайновой находятся в Туркменском геологическом управлении (начальник Л. Смирнов, главный инженер В. Матвеев, заместитель начальника по политической части Л. Дроздов) на положении пассивных.

Я побывал у работников 8-й Центральной геологической партии. Виделся с буровым мастером А. Фокимом, комсомольцем из Ульяновска, который ныне с успехом ищет воду для строителей канала; говорил с его товарищами — другими «мировыми пустынями». Все они одинаково высказывали свои беспокойства.

Управление посылает в экспедицию оборудование, не только к употреблению. Летом 1952 года в Бала-Ишем были присланы трубы с ниппелями неравномерного веса. Трубы не выдерживали собственного веса. Бурение на вездущей скважине «А-бис» было сорвано. Не обеспечивается экспедиция и необходимыми инструментами. У буровщиков нет жевачного полотна, нет пилан, нет ключей... Новые автомашины часто доставляются без запчастей, к ним не ходят даже фельдшеры, отчего машины часто выходят из строя.

Начальник управления тов. Смирнов и главный инженер тов. Матвеев редко бывают в экспедициях. Заместитель начальника по политической части тов. Дроздов прилетает на самолете на 2—3 часа, а затем сбежит отбыть в Ашхабад...

Я видел по лицам рассказывавших мне об этом «хозяев воды», как огорчены они таким невниманием к их работе, жизни.

С самого начала работы экспедиции на трассе канала управление не сумело обеспечить опытным и квалифицированным руководством 8-ю Центральную геологическую партию. Сколько это принесло неприятностей! Сравнительно за короткий срок здесь сменилось пять начальников. Просто удивительно, как могли руководить Туркменского геологического управления столь беспечно относиться к подбору руководящих кадров. Снятый за развал работы бывший руководитель 8-й Центральной геологической партии Ванченко получил новую ответственную должность — начальника производственного отдела управления. Ванченко совершает систематические прогулы, однако руководители управления считают его незаменимым.

Горечь в словах «мировых пустынь», их критические замечания, их деловые предложения по улучшению быта в пустыне не могут не волновать.

Нарзела необходимость вмешательства Министерства геологии СССР в дела Туркменского геологического управления. Нужно помочь работникам экспедиции.

АШХАБАД

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«УЧЕНЫЕ ПОМОГАЮТ СТРОИТЕЛЯМ»

Под таким заголовком в № 82 «Литературной газеты» за 1952 г. были помещены ответы акад. Е. Павловского и проф. В. Бекетмисова на вопросы редакции, касающиеся средств, помогающих науке для эффективной борьбы с ледяными кровососущими насекомыми — так называемым гнусом. Этот вопрос возник в связи с ранее опубликованной в «Литературной газете» статьи начальника Сталинградского Ф. Логина, в которой он обратился к ученым с призывом помочь строителям в решении различных проблем и, в частности, защитит их от гнуса.

Акад. Павловский и проф. Бекетмисов сообщают, что убеждены от гнуса, безусловно, можно. Они рассказали о научно-исследовательской работе в этой области и высказали пожелание увеличить производство всевозможных химических препаратов и зипитных сеток, расширяя работы по очистке от кровососущих паразитов территории строительства Сталинградского ГЭС.

Раздавший полученное письмо начальнику Главного санитарного противоэпидемиологического управления Министерства здравоохранения СССР тов. В. Жданова, в котором сообщается о принятых мерах. На одном из участков строительства Сталинградского гидроузла в минувшем году были проведены опыты по уничтожению гнуса. В опытах участвовали научные сотрудники Центрального и Ростовского институтов малярии и меллионской паразитологии, Сталинградского областного и Средне-Ахтубинского районных противомалярийных институтов. Опыты оказались успешными. В этом году в основных районах строительства будут проведены работы по уничтожению гнуса в местах его выплода. Помимо того, меллионской промышленности изготовлены в нужном количестве сетки акад. Павловского для индивидуальной защиты. К маю, когда начнется массовый вылет гнуса, строители будут обеспечены этими сетками. Для уничтожения гнуса в помещениях будут использоваться аэрозольные баллоны с «ДДТ». Достаточное количество таких баллонов будет заблаговременно отправлено на строительство.

«О ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЯХ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 31 июля 1952 года была помещена передовая статья, в которой подвергались критике некоторые издательства, в том числе Музгиз и Сельхозгиз, за задержку подписных изданий. Отклики на эту статью поступили от Главного издательства и издательства БСЗ и были опубликованы 11 декабря 1952 года. Не ответили лишь Музгиз и Сельхозгиз. После нескольких напоминаний руководители этих издательств, наконец, прислали свои отклики.

Директор задержки «Сельскохозяйственной энциклопедии» пишет, что задержка в подготовке этого издания в настоящее время ликвидирована. Третий том уже печатается, а четвертый — в производстве. Ответ директора Музгиза тов. М. Лобичева нельзя считать удовлетворительным. Вместо того, чтобы сообщить о мерах, принятых издательством для быстрого выпуска собранной литературы, он сослался на «Деятельность русской музыкальной культуры», тов. Лобичев ссылается на «объективные» причины. С энциклопедическим директором Музгиза сообщает, что «принимая во внимание, что в последние 1952 года оба указанные издания (П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова) были закончены». Что же касается словаря «Деятельность русской музыкальной культуры», издание которого должно было закончиться в 1953 году, то тов. Лобичев «расчитывает выпустить 1 том в 1953 году и закончить все издание в 1955 году».

Кого же, кроме тов. М. Лобичева, может удовлетворить такое объяснение?

Читатели ждут от Музгиза ответа по существу критики, содержащейся в статье, а не благодушной отписки.

ПОВЕСТЬ О ВОЕННОМ КОРРЕСПОНДЕНТЕ

Читая повесть А. Гончарова «Наш корреспондент», невольно вспоминаешь произведения первых послевоенных лет, когда участники войны (некоторые из них впоследствии стали писателями) рассказывали о том, что им довелось увидеть и пережить. Новый, свежий материал явился в литературе, и благодарный читатель, который был ошеломлен народными испытаниями, легко прощал и многословие, и плохой язык, и несоразмерность частей. У него самого руки танулись к перу — хоть наскоро записать то, что так глубоко поразило воображение народа!

Однако новый материал, как бы он ни был ярок, не может существовать в литературе сам по себе. Он требует творческого осмысления и воплощения. Можно представить себе длинный ряд повестей и романов, ряд, в котором степень «переработки» материала будет постепенно усиливаться, достигая все большей художественности и глубины. В этой краткой рецензии для подробного анализа, разумеется, не найдется места. Отмечу лишь, что повесть А. Гончарова, о которой пойдет речь, стояла бы где-то в середине этого ряда. Герои ее — работники фронтальной редакции, призванной освещать дела и дни нашей сражающейся армии. Это люди разных профессий: редакторы, писатели, журналисты. Война сделала их военными корреспондентами, и, занимаясь этим новым для себя делом, они усвоили, как это и было в действительности, пользуются опытом иранных лет. Таковы писатель Незамаев, редактор Макаров. Исключение составляет лишь главный герой повести Михаил Сергеевич. Едва выйдя из пера, он попадает на фронт. Вдумчивый, серьезный юноша, он с глубоким интересом присматривается к работе старших товарищей. Он не уверяет в себе, его горючие «профессиональные» размышления поучительны для любого начинающего литератора. Он не знает себя, и постепенное «самопознание» является, в сущности, ося, на которую написаны основные события его жизни.

На первых страницах повести возникает смутное ощущение, что Сергей чем-то похож на Уланова из повести Г. Березина «Ночь полковника» (в свою очередь немного похожего на Петю Ростова из «Войны и мира»). Но впоследствии это ощущение исчезает и читатель сочувственно следит за духовным развитием юного, впервые столкнувшегося с грозными испытаниями войны. Характер избран обаятельным. Жизнь фронтальной редакции отчетливо видна с точки зрения неопытного молодого человека, только что перешедшего в армейскую газету из гражданской. Столкновение «возмужевших» по довольно смутным представлениям о работе военного корреспондента с действительностью изображено с любовью и искренностью. Впрочем, эта черта, придающая серьезную теплоту повествованию, окрашивает отношение автора и к другим героям. О начальнике отдела капитала Тарасове, например, говорится: «Богато, еще в бытность малым лейтенантом, Тарасов писал лирические стихи и даже напечатал томовую книжечку. Но потом что-то изменилось в характере поэта, и он... не только перестал писать стихи, но даже пропал презрением к поэзии... Единственное, что пользовалось любовью сурового капитала, — это статья с анализом боевых действий».

Было бы несправедливо утверждать, что в повести А. Гончарова отчетливо нарисован только главный герой. Вот портрет переставшего Кучугуры: «Обычно восторженно отличались самостоятельностью взглядов и склонны критиковать редакцию. Советая личный и общественный интерес, они стремились закончить верстку и срок и даже досрочно, а поэтому резко отрицательно относились к перерывам и ветошным материалам... Газету «Звезда» верстал Федор Ильич Кучугура, сержант и капитан».

А. Гончаров, «Наш корреспондент». Повесть. Журнал «Октябрь», № 11 и 12 за 1952 г.

старший наборщик... У Кучугуры были едкие кустистые брови, которые острейше сошлись ему засыпавшие наверх, чтобы скрыть лысину, утиный нос и очень по-важные тонкие губы, заставлявшие поворачивать их обладателя в некотором эхисте. Долгие годы, кожаный свитер армейской буфы, которые в его руках послушно стропались в разгибы. Кучугура прыгнул очень вольно обращаться со словом».

Я нарочно привел эту цитату, чтобы показать, какой «живописный» талант у А. Гончарова. К сожалению, талант этот не помог ему создать глубокие психологические портреты. Это скорее беглые наброски улем, в которых бы ни вставились в ялы читатель, он не увидит подлинной личности героя, его судьбы.

Обычно герои не удаются в том случае, если автор ищет их не в действительности, а в фантазии. Этого нельзя сказать о Гончарове. Нет сомнений в том, что он писал с натуры. Атмосфера жизни армейской газеты передана превосходно, со знанием дела. А. Гончаров жил со своими героями, изучал их. Более того, читая повесть, невольно забываешь о том, что не себя ли он изображал в молодом журналисте Сергеевиче? Почему же все-таки так быстро «осмыслился» в памяти его портреты-наброски? Причина в том, что, хотя жизнь редакция написана в движении, герои «Нашего корреспондента» нарисованы неподвижно, статично. Автор не рассказал нам о тех событиях, перед лицом которых неистовые черты характера редактора Макарова, писателя Незамаева могли бы открыться с неожиданной силой. Зато, когда Гончаров уже улетает, его повесть приобретает глубину, отличающую настоящего художественное произведение.

Стремясь добыть для газеты «оперативный материал» о готовящемся наступлении, Сергей отправляется в батальон морской пехоты, находящийся в горных районах. Разливающийся ручей прерывает корону маппе, и Сергей растет пешком порывающий через горы. Нет нужды рассказывать о трудности этого перехода. Важно другое. Добравшись с большим трудом до батальона морской пехоты, Сергей узнает, что моряки отправляются туда, откуда только что явился незадачный корреспондент.

Выходит, что Сергей, «прогулялся» без всякой надобности. Но зато совершено очевидная художественная «ошибка» этого написанного перехода: именно здесь с особой отчетливостью открывается перед нами скромный, терпеливый, самоотверженный характер молодого журналиста. О том, как было выложено срочное задание редакции, сказано два слова. Но читатель не сомневается в том, что оно было выполнено с блеском.

Достоинства — большие и малые — повести Гончарова относятся лишь к тем главам, в которых рассказывается о жизни армейской газеты. Едва автор выходит за пределы редакционных интересов и отношений, едва начинает писать о партизанах, разведчиках, как читатель слышит смутно, а потом все более отчетливо вспоминает, что он где-то в какой-то читал эти страницы. Такими «знаменными» чертами отмечена фигура подполковника — партизана Натана — Галкина и его деятельность в захваченном фашистами Калужском. Отношения между ним и Сергеевичем напоминают по своему характеру, по грустной, уходящей в неопределимое разрыве отголоски Гравкина и Кати в повести Казакевича «Звезда». История любви и брака Натана, разницы скажешь и обрисована «чужеземно, как, впрочем, и сама повесть. Вспомни, в котором автор хотел, казалось, повесть некий «психологический» этюд, нечто, чего не ждал читатель. Он был бы нужен, даже необходим, если бы заключал в себе поворот, связанный с событиями в жизни Советской страны за последние годы. Этого нет — нет, следовательно, и ощущения законченности талантливого, но неровного произведения.

В. КАВЕРИН

ЖИВАЯ СИЛА

Александр МИХАЛЕВИЧ

1. Была раньше между двумя донскими колхозами — «Первое Мая» и «Красная Армия», в сравнительно далеком от областного центра Больше-Новоселовском районе, — небольшая, грязная балка, провавшая здесь «Пайтанка».

И вот вы не узнаете старой Пайтанки... Запрятав ее в дело, соорудили греблю, получились прекрасный ставок, в летние дни густо заселенный белоснежной водоплавающей птицей.

Любимые оладьи ставком, я спросил встретившихся мне колхозников — старики и, может быть, его внука, молодого паренка, — давно ли заправили балку, есть ли в ставке рыба...

Сначала отвечал старик: — А вот, как репьям мы слыть два колхоза в один — «Первое мая», так Иван Балацко я предложил: не теряя времени, а честь такого события преобразить нашу Пайтанку... Сначала сомнение было — где взять рабочие руки да хватить ли сил, а Балацко так все обдумал, рассчитал, что за две недели плотину поставили! Потом сами себе не верили, что даже уже сделали... Вы о рыбе спрашиваете? Зарыблял ставок, что за вопрос...

Старик перевел взгляд на колхозный водоем и довольно наставительно добавил: — Был бы интерес, а рыба будет... Да только ли рыба!

Тогда паренек решил, что и он может вставить свое слово по тому же Балацко. — Он же у нас друг Волго-Дона! Почему друг Волго-Дона? Да потому что, когда ему возражают, он обязательно Волго-Дон вспоминает. Слыхали, мол, какие там чудеса для сделали? А мы, что ж, робеть будем?.. «Друг Волго-Дона» — Иван Балацко, как выяснилось, — колхозный механик. Не так давно коммунисты колхоза выбрали его секретарем колхозной партийной организации. И потом ближе познакомился с этим человеком.

Рыбный, полжаркий, он еще ходит в неопределенном военном кителе, но вместе с этим кителем запоминается и его небольшая промасленная лодка мастерового человека, кучий козырек которой всегда остав-

ляет открытым лоб и живые, пытливые глаза. Там, где у другого пока еще опустится рука перед незнакомой задачей, Балацко вдруг просто, весело скажет: — Хитра ж цыца нельзя зрывать?

И неизменно оказывается, что зрывать — сделать — можно, что все вокруг такого человека разжигает жажду делания, дает толчок, служит материалом для все новых поисков, полчас неожиданных, творческих, свежих, интересных решений...

Полет в колхозе хлеб, высокоурожайная пшеница, на большой площади. Старик говорил: не понимают пшеницу! Балацко отвечал своим обычным: «Пшеница — это жидкая вода!» Вспомнил, что читал однажды, как в каком-то совхозе применяли при комбайнировании полевого хлеба специальное приспособление — экспансивное моторило. Раньше других в районе Балацко, вместе с комбайнером Макаром, переоборудовал комбайн. Поднял, чистил, чистил, чистил хлеб, с каждого гектара вымолотил по 21 центнеру пшеницы!

Балацко много, последовательно работает сейчас над тем, чтобы обеспечить труд животноводов.

— Если не механизировать зимой фермы, — грохот цена нам, — говорит он.

Нет нужды приводить здесь полный перечень предложений, новшеств, изобретений Ивана Балацко — этим энтузиастом механизации в большом и малом... Хочется сказать о нем самом, разобраться, как сложилась многие его сегодняшние черты.

Семилетнюю плку Балацко закончил в селе недалеко от войны, немного поработав на ферме, готовясь ехать в Одессу, в сельскохозяйственный техникум. Но тут сразу будущего механика взяла на воспитание суровая школа жизни. С началом войны ферма, а с ней и Балацко, перебралась в Украину в Сталинград. Обозло года поработал Балацко трактористом в одной из сталинградских МТС. Добровольцем ушел на фронт.

Я спросил Балацко о его военной специальности, и он ответил: — Праладу «День танкиста».

Когда дома у Балацко я просматривал его библиотеку, на одной из полок попалась

яне среди книг простая, но довольно увеселительная книга. Это были боевые награды механика, водителя танка — орден Отечественной войны, орден Красной Звезды, орден Славы да еще четыре боевые медали. Скольким взглядом по коробке, Балацко улыбнулся:

— Помните, в «Василии Теркине»:

Не гляди, что на груди, А гляди, что переди!

Партийный вожак колхоза Иван Балацко проявляет незаурядную выдержку, настойчивость, изо дня в день укрепляя дисциплину труда в колхозе, оберегая социалистическую собственность, вызывая в жизни все новые общественные богатства, полнота сознательность колхозников.

И одновременно он всегда верен своей глубочайшей привязанности к технике, к техническому творчеству.

2. Встреча с Балацко побудила меня, приехав из колхоза «Первое мая» в областной центр, поинтересоваться, как в области, например, в областном управлении сельского хозяйства, идут наскресту быстрорастущей инициативе сельских изобретателей и рационализаторов.

Скажем прямо: работники управления часто еще недоучитывают, как глубоко корень этой инициативы, с какой силой начинают выпрыгивать наружу ролевия технического творчества на селе, какие это несет новые возможности, к чему обязывает сельскохозяйственные органы...

Между тем таких, как Балацко, давно уже в колхозах не единицы!

Если сам Балацко творит, конструирует, так, как сказать, «на ходу», и в кей мере не претендует на какое-то особое признание, то есть — и я бы хотел все больше — люди, желающие поделиться своими предложениями, довести их до сведения промышленности, получить поддержку в создании нового.

...Средн «дела», в изобилии хранящихся в областном управлении сельского хозяйства, есть скромная папка, которой до сих пор здесь не очень везло. Сначала она была в управлении МТС, потом перекочевала в управление пропаганды, и там, и здесь не пользовалась настоящим вниманием. Према от времени в нее подливаются отдельные письма, отношения. Это папка переписки по некоторым, редким случаям поощрения изобретателей. Никто пока не дал себе труда обдумать ее содержание в целом. Но если прочесть содержание этой

папки, лист за листом, она вызовет много мыслей о давно назревшей потребности поддержать и расправить движение рационализаторов и изобретателей на селе.

Комбайнер Соловьев сообщает свои предложения по лучшему приспособлению комбайна для уборки подсолнечника.

Техник Панферов вносит предложение о тжовании соломой одновременно с комбайновой уборкой.

Механик Никитенко делится конструкцией агрегата для одновременного проведения культивации и посева.

Машинист Ткаченко предлагает конструкцию разгрузчика зерна.

Из Сталинского района, от Мозгового пришло предложение, как сконструировать скрепкозак.

Котларенко предлагает новую конструкцию сеялки для перекрестного сева зерновых культур.

Плотник Очаров из Еленовской МТС, много лет делавший вручную планы соломенных транспортеров комбайна, придумал станок для изготовления этих планок...

Как встречены в управлении эти и подобные предложения? Пока, в общем, их судьба незавидна. Занятые «текучкой», не имеющие пока даже небольших фондов для необходимых испытаний, доработки предложений конструкторы и приспособленцы, работники управления обычно ищут путей куда-либо перенести эти предложения или отписаться, отбросив халодной ссылкой, что, мол, изобретение «имеет местное значение»; нет еще настоящей заботы о том, чтобы каждое полезное дело было доведено до конца, чтобы в необходимых случаях изобретателя связать с соответствующим институтом, заводом, дать новые, перспективные задания для изобретательской работы и т. д.

Больше повсюду некоторым предложениям, связанным с осуществлением комплексной механизации на уборке.

Сложные условия уборки высокого урожая в минувшем году вызвали в Сталинской области, да и в других областях громадный рост творчества механизаторов, комбайнеров, стремившихся устранить потери урожая, механизировать производившие еще вручную трудоемкие работы по зерноуборочке.

И вот когда комбайнер-поворот из Сталинской МТС И. Серов, которому пришлось убирать на пшенице среза высокие хлеба, явля некоторые изобретения в конструкции самого комбайна, в частности очень остроумно предложил изменить

направление вращения шнеков хедера (чем ликвидировал намотывание на шнеки хлебной массы и, следовательно, оставшие комбайна для очистки шнеков), — работники областного управления оказались на высоте. К Серову немедленно выехал, разобрались в его предложении опытный инженер тов. Марченко. Управление издало приказ о рационализаторском предложении Серова, проведя на месте семинар механизаторов МТС. В короткий срок по методу Серова было переоборудовано в области 313 самоходных комбайнов. Государство, колхозы были в большом выигрыше!

Но такие примеры в практике Сталинского областного управления сельского хозяйства пока единичны. А живая, быстрая, действенная и широкая помощь изобретателям может и должна стать системой.

Котларенко предлагает новую конструкцию сеялки для перекрестного сева зерновых культур.

Плотник Очаров из Еленовской МТС, много лет делавший вручную планы соломенных транспортеров комбайна, придумал станок для изготовления этих планок...

Как встречены в управлении эти и подобные предложения? Пока, в общем, их судьба незавидна. Занятые «текучкой», не имеющие пока даже небольших фондов для необходимых испытаний, доработки предложений конструкторы и приспособленцы, работники управления обычно ищут путей куда-либо перенести эти предложения или отписаться, отбросив халодной ссылкой, что, мол, изобретение «имеет местное значение»; нет еще настоящей заботы о том, чтобы каждое полезное дело было доведено до конца, чтобы в необходимых случаях изобретателя связать с соответствующим институтом, заводом, дать новые, перспективные задания для изобретательской работы и т. д.

Больше повсюду некоторым предложениям, связанным с осуществлением комплексной механизации на уборке.

Сложные условия уборки высокого урожая в минувшем году вызвали в Сталинской области, да и в других областях громадный рост творчества механизаторов, комбайнеров, стремившихся устранить потери урожая, механизировать производившие еще вручную трудоемкие работы по зерноуборочке.

И вот когда комбайнер-поворот из Сталинской МТС И. Серов, которому пришлось убирать на пшенице среза высокие хлеба, явля некоторые изобретения в конструкции самого комбайна, в частности очень остроумно предложил изменить

направление вращения шнеков хедера (чем ликвидировал намотывание на шнеки хлебной массы и, следовательно, оставшие комбайна для очистки шнеков), — работники областного управления оказались на высоте. К Серову немедленно выехал, разобрались в его предложении опытный инженер тов. Марченко. Управление издало приказ о рационализаторском предложении Серова, проведя на месте семинар механизаторов МТС. В короткий срок по методу Серова было переоборудовано в области 313 самоходных комбайнов. Государство, колхозы были в большом выигрыше!

Но такие примеры в практике Сталинского областного управления сельского хозяйства пока единичны. А живая, быстрая, действенная и широкая помощь изобретателям может и должна стать системой.

своего хозяйства о достижениях и задачах комплексной механизации полеводства, животноводства, овцеводства.

Наряду с людьми науки на конференции активно участвовали бы работники сельскохозяйственного машиностроения. И не могла бы не быть исключительно плодотворной их встреча, скажем, с марксистским механизатором, комбайнером, Героем Социалистического Труда Сергеем Железняком. Надо живо представить, что Железняк уже 16 лет работает на одном и том же «Коммунаре», он так сжился с этой машиной, так творчески ее освоил и, по сути, переоснастил, что называет переоборудованный «Коммунар» «частней своей души!» Этот же Железняк сконструировал высокопроизводительную зерноуборочную установку в колхозе имени Сталина. В одной только Марьинской МТС не менее десяти таких же, как Железняк, изобретателей-новаторов сельскохозяйственной техники. Было бы преступлением оставлять втуне их драгоценный технический опыт!

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В. В. МАЯКОВСКОГО

Совещание в Союзе советских писателей СССР

На утреннем заседании 20 января выступила сестра великого поэта Л. Маяковская.

Л. Маяковская напоминает о том, как важно было встречено появление молодого Маяковского в буржуазной печати и о том, как после Октябрьской революции враги Маяковского продолжали его травлю.

Далее Л. Маяковская критикует книги авторов, которые, по ее мнению, отдавая дань двум поэмам Маяковского, все остальное подводят под так называемые ошибки и противоречия.

Ошибки, как известно, не бывают только у тех, кто ничего не делает, — говорит Л. Маяковская. — Были они, конечно, и у Маяковского. Но к этим ошибкам надо подходить без стремления заслонить то большое и важное, что сделал поэт для построения коммунистического общества, для литературы. Говоря о раннем Маяковском, нельзя подходить к дореволюционным событиям и фактам, которые происходили 40 лет назад, с меркой сегодняшнего дня, нельзя не учитывать, наконец, политических условий царского режима, как, например, цензуры.

Правильная концепция понимания творчества Маяковского, — говорит оратор, — берет свое начало от высказываний А. М. Горького, который чужд был большому художнику и человека раздвинул за «футуризм» Маяковского, а самого, большого поэта, такую же оценку дал И. Е. Репин: «Какой вы, к чертям, футурист! Самый матерый реалист».

Л. Маяковская говорит, что правильно поступают те исследователи, которые ищут истоки творчества Маяковского в детстве поэта, его демократическом, трудовом, морально-крепком, здоровом воспитании, в семье и в окружающей среде, в том негладком впечатлении, которое оставил революционный 1905 год, в фактах участия Маяковского в большевистском походе, общения с рабочей средой и пролетарским студенчеством. Вот те здоровые корни и соки, которые его питали всю жизнь и никогда не пересыхали.

Но трудность в утверждении этой концепции связана, по мнению Л. Маяковской, с тем, что отдельные органы печати, институт мировой литературы и некоторые работники ЦСН подвергают неправильную концепцию, Л. Маяковская говорит о нежелании издательства печатать работы о Маяковском, подготовленные гг. Колосовым и Маяковской, Лагутом, Фейерманом, сборники документов, подготовленные Музеем Маяковского.

В. Новиков говорит о том, что изучение творчества Маяковского теоретическим образом связано с решением актуальных задач современной поэзии. В оценке творчества поэта важно, чем будет руководствоваться исследователь: фактическим материалом, историей вопроса или субъективными домыслами и групповыми взглядами.

— Почти два года назад газета «Правда», — говорит В. Новиков, — в статье В. Щербины «За правильное освещение творчества В. Маяковского» остро и принципиально поставила вопрос о неополитичности исследования творчества поэта и творческого образа поэта, которое содержалось в книге С. Трегуба «Жизнь с Маяковским» и комментариях к последнему собранию сочинений Маяковского. Речь шла о наличии групповых взглядов на творчество Маяковского, приведших к вульгаризаторскому толкованию основных вопросов творчества Маяковского.

— От того, обьявим ли мы Маяковского «поэтом группы» или будем считать его творчество достоянием всей советской поэзии, — говорит В. Новиков, — зависит, будет ли он оружием в решении поставленных перед собой поэзией задач. Главное в этом вопросе — какие стороны творчества Маяковского должна прокладывать наша поэзия? Кажется ясно — сильные, те, что с высшей силой проявились в зрелый период творчества, были достигнуты в результате Великой Октябрьской революции, решающего влияния партии Ленина — Сталина.

В. Новиков говорит, что цель исследования должна заключаться в том, чтобы раскрыть сильные стороны творчества Маяковского.

— Ошибочная субъективная точка зрения, — продолжает оратор, — решительно противостоит такому подходу. Под видом защиты Маяковского ее сторонники переносят достоинства зрелого периода творчества на дореволюционный, ставят всякое качественное различие творчества поэта разных периодов.

Таким образом не только затуманиваются ошибки и заблуждения раннего Маяковского, но не выявляются и сильные стороны его творчества, не показывается процесс развития поэта, его полинное новаторство. Вопрос о традициях Маяковского решается неверно, сводится не к продолжению лучших традиций Маяковского, а к подражанию.

— XIX съезд партии поставил задачу создания монументального искусства, достояния стальной эпохи, — говорит оратор. — В нашей поэзии все еще мало эпического размаха, который был так свойственен Маяковскому и составлял одну из самых характерных черт его творчества. Поэзия не хватает героического пафоса, возвышенной романтики, наступательной силы. Читатель жлет произведений, передающих пафос создания, наполненных героической романтикой и вдохновением, но весь рост показывающих типичного героя нашего времени, его дела и подвиги по имени Родина, но имя статьи на земле.

В. Новиков говорит о характерных чертах поэмы «Хорошо!» и указывает, что в наиболее выдающихся поэмах, созданных советскими писателями в период Великой Отечественной войны (в «Василии Теркине» А. Твардовского, в поэме Н. Тихонова «Крыс с нами», в поэме М. Алигер «Зоя», в поэме С. Шипачева «Домик в Шувешском»), нашли творческое продолжение лучшие традиции Маяковского.

К сожалению, в 1952 году не появилось ни одного значительного эпического произведения, удовлетворяющего высоким требованиям.

бованиям типичности. Для создания монументальных произведений важно творческое использование богатейшего опыта Маяковского всеми советскими поэтами.

В. Новиков признал справедливость критических замечаний в адрес его книги и заявил, что постарается исправить допущенные недостатки в своей дальнейшей работе. По рецензии В. Любова в газете «Московский комсомолец» и редакционную статью в «Комсомольской правде» В. Новиков считает необъективными и уводящими внимание общественности от причин неудовлетворительного состояния изучения творчества Маяковского.

На вечернем заседании 20 января выступил Б. Ростоцкий. Он повествовал о своем выступлении драматургии Маяковского, которая до сих пор не заняла достойного места в трудах литературоведов и театроведов и в работе наших театров.

Признавая отдельные недостатки своей книги «Маяковский и театр», Б. Ростоцкий полемизирует со статьей А. Анастасьева, опубликованной в «Литературной газете», в которой давалась критическая оценка этой книги. По мнению Б. Ростоцкого, эта статья отражает неверно-скептическое отношение к Маяковскому-драматургу, которое еще достаточно распространено.

Отмечая огромное значение сатирической линии в драматургии Маяковского, Б. Ростоцкий считает, что нельзя сводить драматургию Маяковского только к сатирической линии.

— Разве не шире этой линии первая советская пьеса «Мистерия-буфф»? Разве только к сатире сводится «Баня»? Но верно, конечно, что линия сатиры, публицистическая заостренная и политическая действительности, всегда занимала очень важное место в творчестве Маяковского.

В заключение Б. Ростоцкий отблагодарил один из отзывов, полученных от слушателей радиоэфира «Бани».

«Наконец-то достойная и актуальная «Баня» нашла свое воплощение в передаче по радио...»

Пора поставить «Бани» в Театре сатиры... Да здравствует Владимир Маяковский! Группа студентов».

— Да, я думаю, что мы можем сказать: да здравствует Маяковский, Маяковский-поэт и Маяковский-драматург! — заканчивает оратор.

С. Кирсанов резко критикует тех исследователей, которые стремятся раздуть и превеличить мнимые и действительные «грехи» В. Маяковского. Он напоминает о том, как сам Маяковский упорно боролся с «капитализмом» на него оскорбительных критических ярлыков.

— Сейчас положение далеко не такое, — говорит С. Кирсанов. — Над стихами Маяковского сияет солнце сталинизма, узоры, которые всем нам, советским поэтам, указывают путь движения вперед. И, тем не менее, во многих книгах и статьях выплывают тенденции выдвигать и ставить на первый план все ошибочное и противоречивое, что было у Маяковского.

В этой связи С. Кирсанов критикует взгляды В. Перцова и редактора его книги А. Метченко, напоминал о существенных ошибках, допущенных обоими исследователями в оценке футуризма. С. Кирсанов утверждает А. Метченко и В. Перцова в том, что, постоянно указывая на ошибки и противоречия Маяковского, они не хотят самкритически признать свои нежелательные ошибки.

Далее С. Кирсанов полемизирует с характеристиками дореволюционного Маяковского, которые содержатся в работе В. Перцова.

— Маяковский, писавшего в условиях царизма и царской цензуры, — говорит оратор, — надо рассматривать, как революционного поэта, пытавшегося использовать все легальные возможности для революционного протеста. Это единственно верное определение. Футуризм занимает в жизни и творчестве Маяковского малое место. Но футуризм его интересовал. Его интересовало воистину противное мерзкому порядку вещей в условиях царизма. Объем произведений Маяковского, где он выступает против капитализма, выступает революционером, верящим в будущее, неизмеримо больше, чем те два-три ранних юнцеских стихотворения, которыми пользуются для раздвинутия футуризма Маяковского.

Напоминая о том, сколько горя и вреда принесло Маяковскому утверждение противников его поэзии о неопитности его стихов, С. Кирсанов критикует статью В. Перцова «О стихе Маяковского», опубликованную в «Литературной газете», заявляя, что эта статья вызывает сомнения в доступности стихов Маяковского.

— Партия доверила Маяковскому Ока сатиры РОСТА — этот массовый вид агитации. Маяковскому доверяли редактирование журналов. И убежден, что с первых дней Октябрьской партии он участвовал в Маяковском близкого себе поэта, партия его воспитала и приобщила, и не будь этого воспитания, не могло бы быть Маяковского, как поэта коммунистической партии!

В заключение С. Кирсанов критикует опубликованную в «Литературной газете» рецензию З. Паперного на книгу В. Новикова за то, что автор рецензии, по мнению С. Кирсанова, слишком благодушно отнесся к серьезным недостаткам этой книги.

В выступлении С. Кирсанова прозвучало по меньшей мере странное требование — лишить часть критиков права заниматься изучением творчества В. Маяковского и предоставлять это право одной только группе критиков.

Т. Трифонова (Ленинград) выразила в своем выступлении неудовлетворенность ходом совещания.

— К сожалению, по поводу некоторых выступлений хочется задать вопрос: а во имя чего мы все это делаем, во имя чего это говорится? Во имя того, чтобы утвердить непререкаемую правоту своей личной точки зрения, или во имя того, чтобы общими силами, отказавшись, если нужно, от своих неправильных соображений, присоединившись, где нужно, к мнению своего вчерашнего противника, выработать практическую точку зрения? Что нам дорога — солидарность, может быть, даже выстраиванная командой из нас так или иначе концепция, или нам дорога по-настоящему правая и наша литература, которая не разнится без Маяковского и без правильного понимания Маяковского и не может развиваться?

То, что в некоторых выступлениях звучало стремление опорочить оппонентов, что при этом выдвигались цитаты 20-летней давности, говорит о неблагоприятной в ходе нашего обсуждения.

Т. Трифонова критикует доклад В. Друзину, который, сделав вывод о неудовлетворительном состоянии изучения творчества Маяковского, не сказал, сделано ли уже что-либо положительное в этой области или нет.

— Когда мы изучаем творчество писателя, работающего на рубеже двух эпох, — говорит Т. Трифонова, — писателя, который начал свою деятельность до революции и чья деятельность получила полный расцвет в развитии в советские годы, особенно важно точно определить задачу такого исследования и договориться о полной правдивости и объективности исследования. Ни в коем случае нельзя, говоря о творчестве этого рода крупных писателей — А. Толстого, Б. Федина, И. Эренбурга, даже А. М. Горького, — замалчивать и скрывать те ошибки и те трудности, которые были на их пути.

Необходимо, прежде всего, глубоко и по-настоящему изучить отношение писателя, в данном случае Маяковского, ко всем событиям эпохи и воздействию этих событий на его творческое развитие.

Далее Т. Трифонова критикует выступления С. Трегуба, А. Колосова и Л. Маяковской, характеризующих их как проявления групповщины, и положительно оценивает книгу В. Перцова.

— За то, что такое множество людей, наших товарищей, старых и молодых, вот уже в течение почти суток с коротким перерывом с таким кропотливым интересом, с такой яростной заинтересованностью слушают то, что здесь говорится, нужно еще раз низко поклониться великому нашему другу, который ушел от нас 23 года тому назад, Маяковскому! — сказал П. Антокольский.

В декабре 1935 года мы впервые прочли слова В. В. Сталина о том, что Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи. Он остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи и сегодня.

Переходя к задачам, которые стоят перед монографическим исследованием Маяковского, П. Антокольский говорит, что целью такого исследования должен быть поиск органичности роста поэта, органичности того целого, которое называется «жизнью и творчеством Владимира Маяковского».

Анализируя некоторые примеры из стихов Маяковского разных лет, П. Антокольский показывает постоянную демократическую и партийную направленность его поэзии.

П. Антокольский положительно оценивает книгу В. Каталина «Маяковский — литературная хроника», считая, что в ней выполнены важнейшие задачи собрания фактического материала о Маяковском.

— Пока не поздно, мы, старики, которые видели Маяковского живым, имели в жизни эту радость, — говорит П. Антокольский, — должны все, что помним, все записать и собрать. Пускай накопятся горы, намгрозятся горы материала. Очень много зависит от того, чтобы это было сделано с максимальной тщательностью. Когда говорят «пушкинведение», то имеют в виду не только то или другую оценку произведений Пушкина, но и то, что благодаря пушкинистам известен каждый день жизни поэта. Если это было возможно сделать через сто лет после Пушкина, это необходимо сделать и по отношению к Маяковскому, чтобы показать его жизнь, как каждодневный, напряженный, никогда не иссякающий и очень легкий труд, не только труд поэта, но и агитатора.

Сколько поедок, сколько выступлений, сколько аудиторий!

Как можно об этом забыть! Как можно забыть, что творчество Маяковского — это не только писание стихов в четырех стенах, это еще, кроме того, ежедневное, ежедневное произнесение их с трибуны, агитации, сценки, кафедр, неустанная пропаганда того дела, которому Маяковский служил, и это первое, о чем следует помнить.

Далее П. Антокольский говорит о необходимости изучить проблему лирического героя Маяковского.

— Когда впервые было услышано: Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду!

— то в обывательской критике это было одним из поводов для того, чтобы упрекнуть Маяковского в тяжелейшем из смертных грехов — гипертрифизме собственного «я». Но разве не ясно, что Маяковский говорил не о себе, что он говорил о тысячах тысяч людей, которые стояли рядом с ним и было совершенно подобно ему. Это и было рождением лирического героя Маяковского.

Именно такой поэт, как Маяковский, имел полное основание говорить от имени миллионов и сильного лирического героя. П. Антокольский, характеризуя лирических героев других советских поэтов, напоминает стихи Тихонова:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С маршанским жалом творить,
Блуждай, что тебе не богато,
Но про землю стоит говорить...

— Эта строфа раннего Тихонова рисует не только очень верный его личный портрет, но и изображение тех, которые стояли рядом с ним.

Мы услышали в один из суровых дней Отечественной войны:

Видно, выпалась писарь мне дальний билет,
Отправляет вперед на войну.
От четвертой войны, с восемнадцатилет, я солдатскую лампу тяну.

Это не биографическая справка, относящаяся к военному журналисту и поэту Суркову. — это точное изображение миллионов и миллионов советских людей, сорвавшихся с места, которые трясло с олуком в руках против фашистских захватчиков. Это лирический герой той поколения, к которому принадлежит Сурков.

Далее П. Антокольский разбирает стихотворение М. Луконина «Мой друг». Тут тоже речь идет о большом лирическом ге-

рое, о лирическом герое не как о портрете или двойнике автора, а как о миллионах советских людей, которым было тридцать лет в годы Отечественной войны.

А. Метченко говорит о ненормальном положении, которое сложилось в деле изучения творчества Маяковского.

— Создалось такое положение, что ни один исследователь, который хочет написать о Маяковском, не может быть уверен в том, что его труд, как бы он ни был честен по замыслу и добросовестно начислен, будет объективно оценен.

— Мне думается, — говорит А. Метченко, — что настала пора встать за изменение климата в этой отрасли нашей науки. Надо создать изотопную творческую атмосферу, атмосферу, при которой было бы сотрудничество, а не взаимная склока, взаимопомощь, а не подсиживание друг друга. Переосмысление цитат и высказываний друг друга ни к чему полезному привести не могут.

А. Метченко, соглашаясь, что в книгах В. Новикова и В. Перцова есть недостатки, говорит, что в основе этих книг лежит верная концепция, и именно эта концепция стала предметом резкого и необъективного освещения со стороны некоторых критиков.

— И не разделяю ряда положений в книге В. Перцова и в книге В. Новикова, — говорит А. Метченко. — Но я разделяю главное в этих книгах — это стремление не обходить сложные вопросы, нежелание все вырывать из контекста, а попытаться разобраться в сложном противоречии материала и показать главные тенденции в развитии поэта.

По мнению А. Метченко, книга В. Перцова, в основном, ценное исследование, и то, что в ней есть ценного, то, что добыто трудом, останется.

Достоинством книги В. Новикова А. Метченко считает то, что в этой книге автор поставил главной своей целью показать огромную роль Октябрьской социалистической революции, огромную роль партии и ее политики в формировании Маяковского.

Борясь работ С. Трегуба, А. Колосова и статей некоторых критиков, А. Метченко говорит о неправильной концепции в этих книгах и статьях.

— Существовала ложная, рапповская точка зрения на Маяковского. Трегуб, Колосов и другие строят свою «концепцию» по принципу «наоборот». Но если мы возьмем ложную концепцию и противопоставим ей противоположную концепцию, не изучая обстоятельно творчества Маяковского, не изучая исторического, историко-литературного процесса, разве от этого получится истина?

Оратор решительно возражает против полемических приемов, состоящих в вытаскивании старых ошибок оппонентов, и говорит, что выступления такого характера имеют целью возрождение осужденных в статье «Правды» взглядов на творческий путь Маяковского.

Полемику с выступлением С. Кирсанова, А. Метченко говорит, что в характеристике отношений Ленина и партии к Маяковскому в первые годы революции он не хотел скрывать ни одного факта, так как, скрывая факты, не приходишь к истине.

— И факты эти (свидетельство А. Луначарского, что В. И. Ленин не поправилась поэма «150.000.000»), приведенные в моей работе, — говорит оратор, — не исключают Маяковского, так как следом за ними сказано, каким огромным событием в жизни Маяковского был отзыв Ленина о стихотворении «Прозаседавшиеся», и анализируется, как этот отзыв сказался на судьбе Маяковского и на судьбе советской поэзии, которая равнялась по Маяковскому.

А. Метченко полемизирует с редакционной статьей в «Комсомольской правде».

— Эта статья, — говорит А. Метченко, — ориентирует молодежь на то, чтобы обходить острые углы, обходить правду, если эта правда выступает в сложном, противоречивом виде, ориентирует молодежь на лакировку. Мы боремся против теории бесконфликтности во всех ее проявлениях, а в статье «Комсомольской правды» говорится, что исследователь не может пользоваться выражениями «но», «однако» и т. д. что можно говорить только «или».

У кого автор статьи учился логике? Только не у Ленина! Например, в тот период, когда Горький допускал серьезные идейные ошибки, Ленин указывал на эти ошибки и в то же время говорил, что Горький, безусловно, крупнейший авторитет в деле пролетарского искусства.

Заканчивая свое выступление, оратор говорит:

— У Маяковского есть изумительные слова. Он мечтал о том, чтобы было побольше поэтов хороших и разных. Я думаю, что наше требование к себе и другим должно заключаться в том, чтобы писалось больше книг хороших и разных.

В. Огнев критикует книгу В. Новикова за произвольное в ней, по его мнению, полное непонимание искусства вообще и поэзии Маяковского в частности.

Далее оратор говорит о новаторстве Маяковского и его традиции в современной поэзии, отмечая, что продолжение «теории» бесконфликтности и унылого бытописательства в поэзии неотрывно связано с возрождением утерянной традиции Маяковского.

Переходя к характеристике творческого пути поэта, оратор говорит:

— В автобиографии поэта «Я — сам» имеется примечательное место об учителе живописи: «Лучший учитель. Твердый. Мняющийся». Этими же словами можно выразить и характер развития Маяковского — «Твердый», «Мняющийся».

«Твердый» — значит материалист, гуманист, демократ, революционер по своему существу. «Мняющийся» — значит растущий, применяющий новые орудия в молодости, утверждающий, утрачивающий в крайности, но все более крепнущий талант, все более вызревающее мировоззрение. Вот одна точка зрения. Правильная. По-эстетическому эстетическая. Другая же, эстетическая, хочет примирить непримиримое. Для нее в «мняю-

щемся» потонул, растаял «твердый». В. Огнев критикует в этой связи статью в книге В. Перцова, В. Новикова.

Он говорит, что вульгаризаторы понимают метод социалистического реализма, как некий раз навсегда данный эталон, который и накладывают поочередно на все этапы движущегося литературного процесса. Но если исходить из того, что Маяковский — основоположник социалистического реализма в поэзии (а не исходить из этого нельзя!), то, изучая творческую эволюцию поэта, следует говорить не столько о сложном пути его к социалистическому реализму, сколько о сложном становлении самого метода в поэзии. Это не значит, по мнению оратора, что начало и истоки социалистического реализма в поэзии — первые строки, сочиненные Маяковским. В. Огнев считает своей ошибкой в статье, опубликованной в журнале «Новый мир», то, что он неточно сформулировал эту свою мысль.

Заканчивая выступление, оратор говорит:

— Много и охотно рассуждая на темы противоречий роста, мы забываем о противоречиях жизни, которые объективно выражал Маяковский на различных этапах своего творческого пути. Некоторые исследователи делают акцент на внутренних противоречиях личности поэта, переноса анализ в план субъективистских измышлений. Стараясь «сочинить» Маяковского от страшных грехов, самим же им выдуманных, такие исследователи так «сочиняют» поэта, что он остается без своих произведений, наедине со своими противоречиями или, в лучшем случае, с двумя армиями поэма. В заботах о бесконечном приближении к «реализму» они «составляют» Маяковского от всей его драматургии, обходят с опаской колечные кусты сатиры, ищут бродя в любовной лирике... Это обедняет поэзию Маяковского, пенную именно остротой видения жизни в ее сложности и реальных противоречиях.

Наряду с верными критическими замечаниями по существу обсуждаемого вопроса В. Огнев в части своего выступления полемизировал со своими оппонентами развешивая, без всяких по тому доказательства ставя под сомнение их научные труды.

Утреннее заседание 22 января открылось выступлением Н. Реформатской. Она указывает, что три книги неуслезливо были обобщены в докладе В. Друзину: Е. Наумова «Маяковский в первые годы советской власти», Б. Ростоцкого «Маяковский и театр» и Л. Фейермана «Маяковский в странах народной демократии». Н. Реформатская подробно останавливается на последней книге и считает, что Л. Фейерман, обстоятельно проследившая значение Маяковского в становлении революционной славянской литературы, приходит к правильным выводам: для всех путей, прокладываемых новыми революционными путями в области национальной поэзии, сближение с Маяковским в той или иной степени неизбежно и исторически закономерно. Это сближение неразрывно связано с общим влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции, с ходом самой революционной борьбы в данной стране и теми конкретными задачами, которые на данном этапе ее исторического развития ставятся перед литературой.

— На мой взгляд, — говорит Н. Реформатская, — в книге показано, что конкретные масштабы и формы идейно-художественного воздействия Маяковского на крупнейших революционных поэтов Чехословакии, Болгарии, Польши раскрыты с учетом индивидуального своеобразия их творчества. Маяковский в книге Л. Фейерман рассматривается как поэт, который был воспринят поэтами стран народной демократии, как продолжатель великих традиций русской классической литературы, на которой учились и с которой были органически связаны крупнейшие представители славянской литературы XIX века.

Лучшие славянские поэты нашего времени осваивают традиции Маяковского, не отрываясь от национальной культуры, а обогащая и углубляя революционные традиции национальной поэзии. Все это обосновано анализом обширного конкретного материала.

По мнению Н. Реформатской, серьезным недостатком книги Л. Фейерман является неумение в сатирическом традициях творчества Маяковского. Но книга в целом имеет большую познавательную ценность.

Далее Н. Реформатская говорит о необходимости нового издания полного собрания сочинений Маяковского. Присоединяясь к критике, которая была дана П. Энгельманом последнему, идеалистическому собранию сочинений Маяковского, Н. Реформатская указывает на текстологические ошибки этого издания, переходящие в дальнейшем во все последующие массовые издания, и говорит, что вопрос о подготовке и разработке нового, полинного научного издания собрания сочинений Маяковского — настоятельная и неотложная задача.

В. Котов посвящает свое выступление опыту в традициях Маяковского в советской поэзии. Он полемизирует с утверждением А. Суркова, что «каждый по-настоящему советский поэт, в поэтическом образе воспроизводящий нашу советскую действительность, — соратник Маяковского и его творческий последователь».

— Если, — возражает В. Котов, — действительно все советские поэты, работающие сегодня, продолжатели традиции Маяковского, тогда не о чем беспокоиться, не за что бороться. Эта теория, по утверждению В. Котова, обрекает вопрос о продолжении традиции Маяковского и все развитие советской поэзии на самотек и не решает вопроса о полинном продолжении традиции основоположника советской поэзии.

— Полинная учеба у Маяковского и полинное следование его традициям, — говорит оратор, — начинается там, где есть активное, боевое отношение к действительности, беспокойная хозяйская заинтересованность поэта во всем происходящем вокруг, где поэт вместе со всем страной живет ее радостями и болями, не только воспринимает очертания успехов и победы своего народа, но и борется за них.

Наконец, занимающий considerableную позицию по отношению к действительности, не продолжая традиций Маяковского в полинном смысле этого слова, какие бы отдельные элементы влияния у него ни находили. Далее В. Котов критикует положение в современной поэзии.

— Говорят, что все продолжают писать Маяковского, а со страниц газет и журналов почти неслыханно горячая поэтическая публицистика. Борются с рутинной и глянцевой, выпячивая их глянцем и точностью, образного, гневного, от сердца идущего слова, — разве это не традиция Маяковского, органично вытекающая из его активной позиции борьбы и строителя, традиция, от которой отошли многие наши поэты, не работаящие, например, в жанре сатиры.

Разве пассивная, хотя и образная констатация и риторическое воспевание стиханий трудов и подвигов нашего народа, такое мы видим во многих сборниках, — это продолжение традиций Маяковского!

В. Котов считает, что в работе комсомола по критике в связи с обсуждением книги В. Перцова проявилось стремление к заземлению критики.

Далее он критикует низкий, по его мнению, теоретический уровень докладов В. Друзину.

Следует отметить, что в своем выступлении, говоря о традициях Маяковского, В. Котов похвал, демократически попытаться столкнуться и противопоставить друг другу ряд широко известных народу поэтов: один он отговаривал «популярными» учениями Маяковского, а других оглушительно охладил и столь же оглушительно отказал им в том, что они продолжают традиции Маяковского в советской поэзии.

Е. Татер считает, что противопоставление двух якобы взаимоисключающих концепций творчества Маяковского искусственно раздувается спорящими сторонами. Он критикует существенные недостатки работ В. Перцова и В. Новикова. Этот недостаток — мохалистическое противопоставление сильных и слабых сторон в творчестве дореволюционного Маяковского. Так, скажем, в поэме «Облако в штанах» резко противопоставлены ее достоинства — жизнеутверждающий боевой оптимизм — ее «копимкам» — теме трагического натравки. Но в поэме звучит один голос. Это целостное, страстное и единое в своем существе произведение.

— Сила раннего Маяковского, — говорит оратор, — состоит в том, что гениальный юнша в своих поэмах сумел разноречиво огромную социальную трагедию, трагедию человека, востановившего против всего мира капитализма — с его строем, моралью, религией, искусством. И вместе с тем это трагедия, исполненная величайшего революционного пафоса, так как за ней стоит революционная настроенность народных масс.

Переходя к проблеме стиха Маяковского, оратор говорит:

— За последние время намечалась тенденция, не решая эту проблему, снять ее на том основании, что Маяковский является наследником великих традиций русской классической поэзии, а следовательно, и ее силлабо-тонической системы.

Е. Татер полемизирует с некоторыми положениями статьи А. Абрамова о ритмике поэмы «Владимир Ильич Ленин». Он считает, что самый метод отыскания в стихах Маяковского отдельных строчек ямба, хорея и т. д., порождая, так как подобные строчки приобретает совершенно другое звучание в ритмической системе Маяковского.

— Сближение стиха Маяковского с силлабо-тоникой вызвало опасения, не пропавшей ли в противной случае разрыв между Маяковским и классической традицией. Но продолжение традиции состоит в том, что стих Маяковского так же, как и классический, исходя из духа русского языка, стремится вобрать в себя все богатство живой, естественной речи.

В. Тимофеева (Ленинград) посвящает свое выступление языку и стилю Маяковского.

— Марровская теория «взрыва» языка отразилась на работах, посвященных языку Маяковского, выходящих в 30-е годы и начале 40-х годов. В этих работах говорится о том, что Маяковский «разрушил» старый литературный язык и создал «новый» язык. Язык поэзии Маяковского анализировался в свете этого утверждения. В центре внимания исследователей стояло не то, насколько Маяковский обогатил язык поэзии, а ложно понимаемое языковое новаторство Маяковского.

В. Тимофеева считает необходимым пересмотреть вопрос о языковом новаторстве Маяковского в свете сталинского учения о языке. В этой связи она критикует книгу Г. Вишюкова «Маяковский — новатор языка», где основной смысл новаторства Маяковского сводится к «словотворчеству» и «речетворчеству».

До сих пор эти неверные работы не получили должной критики в печати.

Далее В. Тимофеева говорит о том, что при глубоком и всестороннем изучении языка поэзии Маяковского неизбежно придется сказать о противоречиях и чуждых влияниях, отразившихся в его ранних произведениях.

У молодого Маяковского были революционные устремления, он их хотел выразить в поэзии, но ему не сразу удалось найти соответствующую художественную форму, ему пришлось преодолевать влияние чуждой художественной формы. Даже на материале изучения языка произведений раннего Маяковского можно видеть, как быстро растет поэт, какие огромные значения имеют для его развития революционная действительность и воздействие — особенно на первом этапе — А. М. Горького.

В последующие годы ложатся его принципы работы над словом. В его стихах, написанных для РОСТА, мало сложных словечек, почти совершенно нет веологизмов. А разве эти стихи потеряли в своей выразительности? Нет, это была настоящая, большая школа в работе поэта над языком. Огромное влияние оказала на Маяковского язык трудов Ленина и Сталина.

В заключение В. Тимофеева полемизирует с тем, что бездоказательно критиковала книги В. Новикова и В. Перцова. Она считает, что при недостатках книги В. Перцова в ней подробно рассматривается вопрос о связи молодого Маяковского с революционным движением, переходом литературной прелектарской эпохи, с Горьким.

Продолжение отчета о совещании будет опубликовано в следующем номере газеты.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 11 24 января 1953 г. 3

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте»

Перевел с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ

Б01204.